

Александр Житинский

Японский бог!



Александр Николаевич Житинский
Японский бог!
Серия «7. Рассказы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171057

Содержание

Японский бог!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Японский бог!

Это произошло в те сравнительно недавние времена, когда мы с Мишей Ваниным считались молодыми, подающими надежды писателями. Неопубликованных рукописей у нас было больше, чем денег, но меньше, чем долгов; всесоюзная и международная известности нам и не снились, зато была железная решимость сказать свое слово в литературе.

Сейчас положение, слава Богу, изменилось. Нас уже не считают молодыми и подающими надежды. И решимость наша не столь железна, как была когда-то. В остальном все по-старому.

...Я стоял на стремянке в кухне и поливал потолок белой краской из пульверизатора, когда пришел Мишка. Я всегда любил ремонтировать свое жилище самостоятельно. То есть не то чтобы любил, а приходилось. Многое тогда приходилось делать самому. Мебель, например... Но я опять отвлекаюсь.

Было воскресенье. Ванину открыла моя жена и, проведив его в кухню, молча удалилась. Молчаливое поведение жены объяснялось характером нашей дружбы с Мишкой Ваниным. Это была чисто мужская дружба. Дело в том, что, задерживаясь после работы и приходя домой позже, чем обычно – практически ночью, – я всегда говорил, что проводил время в компании Миши Ванина и что мы с ним толковали о лите-

ратуре. Примерно то же докладывал своей жене и Миша. Поскольку разговор о литературе немислим без того, чтобы не пропустить рюмочку-другую, то совершенно ясно, что жены смотрели на наши отношения без восторга, считая приятеля мужа ответственным за напряженность в семейной жизни.

Понятно, что в такой ситуации мы заявлялись друг к другу домой лишь в экстренных случаях. Телефона у меня тогда не было, и я, глядя со стремянки на суровое Мишкино лицо, похолодел в предчувствии экстренного случая. Почему-то он представился мне недостаточно приятным.

– Японский бог! – воскликнул Миша, взглянув на меня снизу. – Ты что там делаешь?

«Японский бог!» – это любимая присказка Миши Ванина. Она может обозначать что угодно. В данном случае она обозначала изумление.

– Я крашу потолок, Миша, разве ты не видишь? – вежливо отвечал я со стремянки.

Мишка с возмущением оглядел меня с головы до ног – заляпанные белилами старые джинсы, на голове газетная треуголка, в руках поллитровая баночка с разбавленным мелом, от которой тянется вниз к пылесосу изогнутая грязная труба, лицо забрызгано меловыми веснушками... Мишка скорбно покачал головой.

Сам он, надо сказать, одет был исключительно элегантно: серая кепка, коричневая куртка из клеенки, которой обычно обивают диваны в присутственных местах, и рыжие полуобо-

тинки на микропоре. В руках Миша держал свой министерский портфель, хотя министром тогда не был. Это сейчас он в должности, в силе и только посмеивается в усы над грехами нашей молодости.

– Его там иностранцы ждут, – тихо проговорил Ванин, – а он потолки красит. Ну, крась, крась! Я пошел...

И он повернулся, шурша расстеленными на полу газетами.

– Постой! – крикнул я, обрушиваясь со стремянки. – Да объясни толком! Какие иностранцы?!

– Да я толком и сам не знаю, – признался Миша.

И он объяснил, что утром ему позвонили из Иностранной комиссии Союза писателей и пригласили на встречу с иностранной делегацией. Встреча назначена в гостинице «Астория», в номере этих самых иностранцев. Они путешествуют по Союзу и встречаются с писателями. Знаменитые писатели им уже надоели, теперь они хотят посмотреть на молодежь.

Такие вот дела.

– А что хоть за иностранцы? – спросил я.

– Понятия не имею, – пожал плечами Миша. – Они только вчера прикатили, никого нет, еле-еле связались с Гранским. Мне сказали: один не ходи, прихвати кого-нибудь из молодых литераторов. Вот я тебя и прихватываю. И еще я прихватил...

С этими словами Миша раскрыл портфель. На дне его со-

лидно темнела бутылка армянского коньяка.

– Мало ли... – значительно сказал Ванин. – Неизвестно, как оно, японский бог, обернется...

На этот раз «японский бог» означал уважение Ванина к международному престижу нашей страны. Ах, если бы мы знали тогда, как оно обернется, то выпили бы ту бутылку тут же, на покрытых мелом газетах!

Но мы клюнули на эту удочку.

Я помчался в ванную, на ходу крича жене насчет чистой сорочки и дипломатического приема, чему она, естественно, не поверила. До этого я ни разу на дипломатических приемах не бывал. Однако, когда через несколько минут я выскочил из ванной, белоснежная рубашка с галстуком ждала меня на распялке, а Миша хмуро объяснял моей жене, что дело нешуточное, ответственное – мы бы рады не ходить, но нельзя.

Вскоре мы уже ехали к «Астории», на ходу обсуждая возможные провокационные вопросы, если, не дай Бог, иностранцы попадутся с Запада.

В гостиницу мы вошли чинно и аккуратно, поднялись на третий этаж и отыскала нужный нам номер. Дежурная посмотрела на нас подозрительно, но ничего не сказала.

У дверей номера прогуливался маленький, с залысынами человек крепкого телосложения. На лацкане его пиджака блестел значок «Мастер спорта СССР», по чему мы безошибочно определили, что он не иностранец.

– Вы писатели? – с ходу обратился он к нам.

– М-м... – неуверенно промычали мы с Мишей. Называть себя писателями мы в ту пору стеснялись: оснований для этого было маловато.

– Так писатели или нет? – настаивал мастер спорта.

– Да вроде... – кивнул Мишка.

– Гусеев, переводчик «Интуриста», – представился он, протягивая руку.

Мы назвали себя.

– Значит, так, ребята, – начал он, переходя на доверительный тон. – Не волнуйтесь, дело обычное, я все переведу как надо.

Сейчас они придут.

Не успел он это сказать, как в конце коридора показались двое – мужчина и женщина. Они шли к нам, издали улыбаясь Гусееву. Тот тоже растянул рот до ушей.

– Вот они, – шепнул он нам.

– Японский бог! Да это ж японцы... – пробормотал Миша.

– Японцы, японцы, – быстро закивал переводчик.

И действительно, это были самые натуральные японцы. Женщина лет тридцати была в замшевых брюках, заправленных в сапожки, в пуховой синтетической курточке, худенькая, миниатюрная и изящная. Она вполне соответствовала моим представлениям о японской женщине. Звали ее госпожа Судо. При японском вежливом обращении полагалось приставлять к фамилии словечко «сан», что мы впо-

следствии и делали.

Господин Арамасса-сан был высок, гибок и элегантен.

Гусеев представил нас друг другу, и Судо-сан защебетала что-то по-японски. Голосок у нее был, как у синички. Переводчик мучительно смотрел ей в рот.

– Значит, так. Она приглашает нас в номер, – перевел он.

Мы вошли в апартаменты. Вероятно, это был номер «люкс», но я боюсь ошибиться, потому что мне не с чем сравнивать. Мы разделись в просторной прихожей и прошли в гостиную с круглым столом, мягкими креслами и диваном. Широкий проем, занавешенный бархатными шторами, вел из гостиной в спальню. Мы с Мишей расположились на диване, а Гусеев с госпожой Судо – напротив нас в креслах. Арамасса-сан не сел, а тут же принялся настраивать фотоаппаратуру, доставая из кожаных сумок аппараты, объективы, штативы и прилаживая это все одно к другому. Он, как выяснилось, был фотокорреспондентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.